

О. С. АХМАНОВА, В. В. ВИНОГРАДОВ, В. В. ИВАНОВ

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ И ЗАДАЧАХ ОПИСАТЕЛЬНОЙ,
ИСТОРИЧЕСКОЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКОЛОГИИ**

1

В решениях XX съезда Коммунистической партии Советского Союза намечены пути дальнейшего развития советской науки. В выступлениях на съезде были раскрыты многие недостатки, характерные для наших общественных наук в целом. Преодоление этих недостатков, успешная и углубленная разработка важнейших проблем отдельных отраслей гуманитарных знаний, в том числе и языкознания, требуют от советских научных работников методологической принципиальности, творческой смелости, глубокой осведомленности в достижениях отечественной и зарубежной науки.

В современном языкознании — при всем разнообразии его течений и направлений, обусловленных различиями в методологии и идеологии, — наблюдаются некоторые общие слабые места и некоторые общие тенденции развития. Из языковых единиц наибольший интерес со стороны исследователей продолжают вызывать фонемы (звуки) и морфемы как основные структурные элементы языка. Они считаются наиболее определенными и ясно очерченными в структуре языков разных семей и разных типов. Их изучение является главной базой применения и развития сравнительно-исторического метода в языкознании. Большинство законов, открытых сравнительно-историческим индоевропейским языкознанием при исследовании развития индоевропейских языков (закон Я. Гримма, закон Вернера, закон Фортунатова — Соссюра, закон Шахматова и др.), относятся к области фонетики. Вопросы структуры древнейших основ — корней, широко и разносторонне изучаемые применительно к индоевропейским, тюркским, картвельским и иным языкам, связаны с исследованием законов развития морфологического строя языков. Даже в том случае, когда в основу структурного анализа системы языка кладутся самые общие лингвистические понятия, например, в американских структуральных концепциях так называемые «непосредственно составляющие» (immediate constituents), все же как основные «отрезки речевого потока» или «единицы языка» рассматриваются фонема и морфема (иногда в составе «синтагмы»).

Слову во многих современных концепциях или вовсе не отводится места, или уделяется очень мало внимания. Согласно распространенной в зарубежном языкознании точке зрения, система языка складывается из ряда «подсистем». Центральными из этих подсистем признаются три: г р а м м а т и ч е с к а я, включающая в себя запас морфем и все возможные правила их

сочетаемости в соответствующем языке, ф о н о л о г и ч е с к а я, состоящая из фонем и возможных форм или приемов их сочетаемости в данном языке, и м о р ф о н е м а т и ч е с к а я, соединяющая две первые. Периферическими же подсистемами объявляются: с е м а н т и ч е с к а я, которая «ассоциирует различные морфемы и их соединения с определенными предметами или явлениями, или видами предметов и явлений, в мире вокруг нас», и ф о н е т и ч е с к а я, которая представляет собой своеобразный код для преобразования непрерывного потока фонем в звуковые волны¹.

Лингвисты первой половины XX в. стремились к тому, чтобы языкознание, полностью отделившись от филологии, психологии и логики, оформилось в качестве самостоятельной дисциплины. Однако в результате этого вполне правомерного стремления наиболее широкое признание на Западе получили теоретические взгляды тех представителей структуральной лингвистики, которые пришли к отказу от изучения связи языка и мышления и к изоляции языковедческих исследований от анализа законов общественного развития, потребовав рассмотрения языка как «в самом себе покоящегося», «самодостаточного» и безразличного ко всему, кроме соотношений внутри данной «семиологической системы».

Современный западноевропейский структурализм, основываясь на идеях де Соссюра о «различиях без положительных моментов», о «бестелесности обозначающего», существующего лишь как «место в системе», стремится к разработке таких методов и приемов исследования, которые давали бы возможность создания схем, пригодных для описания очень широких классов и разновидностей явлений на основе установления однотипности отношений между ними (так называемого «изоморфизма»). Как известно, до сих пор методы структуралистического описания получали применение лишь в фонетике и отчасти в морфологии (особенно «морфонологии»). Что же касается применения этих методов к лексикологическому исследованию, то дело пока ограничивается изложением предварительных соображений и обсуждением общих принципов²: еще ни для одного языка не сделано целостного структуралистического описания лексической системы.

Исключение слова из числа основных единиц языковой системы в некоторых языковедческих концепциях вызвано тем, что в них «план содержания» (семантическая сторона речи) не получает надлежащего объяснения и признания. Кроме того, отдельные направления зарубежного языкознания допускают или утверждают отсутствие принципиальных различий между словом и частью слова, между словом и словосочетанием. Как известно, по мнению так называемых «функционалистов», единицы языка не воплощают, не несут в себе мысли, не могут выражать и передавать ее, а лишь вызывают при помощи соответствующих «языковых сигналов» определенную реакцию в определенной ситуации. В многочисленных работах советских языковедов развивается положение о том, что слова не только выражают и передают значения, но и участвуют в их возникновении и формировании. Советские лингвисты в своих работах обосновывают

¹ См., например, Ch. F. Hockett, A manual of phonology, Baltimore, 1955 («International journal of american linguistics», vol. 21, № 4, Oct. 1955), стр. 14.

² В исключительно яркой и ясной форме эти принципы изложены в статье Е. Р. Куриловича «Заметки о значении слова» (ВЯ, 1955, № 3); ср. работу С. Карцевского (S. Karcevskij, Du dualisme asymétrique du signe linguistique, «Travaux du cercle linguistique de Prague», 1, 1929). Заслуживают внимания также имеющиеся теперь попытки пересмотра классических «противопоставлений» в духе Трубецкого с позиций современной символической логики (см., например, J. C. Peirce, Le classement logique des oppositions, «Word», t. 11, № 1, 1955).

точку зрения, согласно которой языку принадлежит не только звучание, но и значение воспроизводимых в речи единиц¹.

Вот почему в советском языкознании, в отличие от некоторых структуралистских концепций, растворяющих лексикологию в грамматике, а иногда даже противопоставляющих лингвистический анализ семантическому, придается очень большое значение развитию лексикологии как особой, отличной от грамматики, хотя и тесно связанной с ней области лингвистического знания и исследования. Основной задачей лексикологии является планомерное научное описание словарного состава языка и выяснение исторических закономерностей его развития. Выполнение этой задачи связано с большими трудностями. В словарном составе любого языка насчитываются многие тысячи слов и устойчивых словосочетаний, каждое из которых представляет собой смысловую единицу — в той или иной степени индивидуальную и неповторимую и потому заслуживающую отдельного рассмотрения. Эта особенность словарного состава языка и является причиной того, что до сих пор словари продолжают оставаться наиболее ценными и серьезными лексикологическими трудами, основой для планомерного описания и обобщающего исследования лексики языка.

Однако было бы неправильно отсюда сделать вывод, что попыток планомерного научного описания словарного состава языка вообще не делается². Но в большинстве случаев они сводятся к тому, что разнообразные процессы и явления в области лексики известным образом группируются, объясняются или освещаются, и из многотысячного лексического состава языка к ним подбирается большее или меньшее число иллюстраций. Создается известная общая схема, в которой заранее предусматривается, чтобы более или менее существенные и типичные явления не оказались за ее пределами и чтобы отобранным или выбранным категориям (группам) лексических фактов нашлось в ней определенное место.

Важнейшим недостатком такого описания лексики является то, что схема построения, основанная на выделении тех или других лексикологических проблем и на соответствующей классификации и группировке лексико-семантических явлений, обычно почти не отражает специфических особенностей лексической структуры данного языка в целом.

И все же работы такого рода важны и ценны, так как в лексических системах, например, разных европейских языков действительно имеется много общего; даже в самых разнообразных языках наблюдаются однородные лексические явления, более или менее сходным образом связанные между собой и ставящие перед исследователем в общем одни и те же проблемы. Однако это не значит, что можно ограничиться таким анализом характерных для данного языка явлений, при котором эти явления служат только материалом для иллюстрации общих положений. Ведь при таком подходе вместо изучения специфических особенностей данного языка получается описание различных явлений в «лексике вообще», лишь иллюстрированное, смотря по потребностям, материалом английского, русского, французского или какого-либо еще языка. При таком положении дела лексика данного языка как целое, обладающее известными характерными чертами, в сущности еще не делается предметом исследования.

¹ См.: В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, ВЯ, 1953, № 5 (особенно стр. 4); Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. II, М., 1953, стр. 19; А. И. Смирницкий, Значение слова, ВЯ, 1955, № 2; Е. М. Гадикина-Федорук, Основные вопросы языкознания в трудах В. И. Ленина, «Ил. яз. в шк.», 1951, № 1, стр. 8; и др.

² См. G. Matoré, La méthode en lexicologie, Paris, 1953. Ср. также попытку применения статистических принципов к изучению словарного состава языка вообще и лексики писателей, в частности, в книге: P. Guiraud, Les caractères statistiques du vocabulaire, Essai de méthodologie, Paris, 1954.

Правда, в лексикологии есть одна область, где лексика данного языка представляется не просто как масса слов, из которых могут быть отобраны нужные примеры, но как некое более или менее связанное целое. Это — область этимологии и истории лексики. Здесь действительно учитывается в известной мере соотношение между элементами словаря, различными по происхождению, определяется его историко-этимологический состав в целом, так или иначе принимаются во внимание и самые простые слова, не представляющие ничего достопримечательного, и в результате получается некоторая, хотя и иногда недостаточно внутренне связанная характеристика лексики данного языка в историческом плане. Но эта область лексикологии занимает особое положение, так как она одновременно принадлежит также к общей истории языка; здесь лексический состав обычно не подвергается внутреннему анализу, но лишь рассматривается с точки зрения его происхождения, пополнения и убывания. Между тем в исторической лексикологии словарный состав языка должен подвергаться всестороннему внутреннему анализу на каждом историческом этапе его развития.

Представление о системном характере языка обычно распространяется также и на его словарный состав, хотя — в отличие от грамматики и фонетики, где существует большое количество описаний соответствующего материала разных языков именно в виде систем, с последовательным выявлением тех отношений, в которых находятся друг к другу те или иные фонетические или грамматические явления, — до сих пор не имеется ни одного описания лексического состава даже одного какого-нибудь языка, которое реально показало бы всю совокупность лексических единиц в их конкретных связях и соотношениях друг с другом. Утверждения о системном характере словарного состава часто не сопровождаются конкретными доказательствами.

В отдельных опытах планомерного научного описания словарного состава языка как системы в центре внимания исследователей, естественно, оказывалась семасиологическая (семантическая) его сторона, т. е. описание рядов слов и фразеологических единиц языка как определенной, планомерно организованной системы значащих «вещественных» единиц в их соотношении с обозначаемыми ими предметами действительности и выражаемыми ими понятиями.

Значения слов, определяемые прежде всего действительностью, формируются под влиянием отраженного и зафиксированного и передаваемого в данном языке опыта целого ряда поколений. Этот процесс необходимо внимательно изучать как применительно к истории отдельных языков, так и в общелингвистическом плане. Однако, хотя у нас имеется ряд конкретных исследований по лексике русского и других языков, общезыковедческое осмысление этих ценных материалов для создания марксистского учения о различиях лексико-семантического строения языков и о закономерностях развития их словарного состава у нас пока отсутствует¹.

¹ Следует заметить, что в советском языковании нет работ, в которых была бы дана с позиций марксизма-ленинизма критика идеалистических теорий Вейсгербера и других современных неогумбольдтианцев. Наши языковеды плохо осведомлены также о работе, проведенной в США в связи с так называемой «теорией Уорфа», частично примыкавшего к идеалистическому пониманию причин, обуславливающих различие человеческих языков. Материалы по этим проблемам, в обсуждении которых участвовали и этнографы, опубликованы в следующих сборниках: «Results of the Conference of Anthropologists and Linguists» (Indiana University Publication in Anthropology and Linguistics), Mem. 8, 1953); «Language in Culture» («Proceedings of a Conference on the Interrelations of Language and other Aspects of Culture», ed. H. Hoijer) comp. «Studies of Cultures and Civilisations» № 3, Menasha, Wisc.; «The American Anthropological Association», vol. 56, № 6, part 2, Mem. № 79, Dec. 1954; и др.

Совершенно недостаточной следует признать также разработку вопросов методики лексикологического исследования. Как известно, вопрос о методах лексикологического исследования представляет собой самое темное место в вообще довольно еще туманной области специальных методов языковедческого исследования. Правда, в советском языкознании достигнуты некоторые успехи в разработке вопроса о т и п а х лексического значения, который важен также для изучения сложных (фразеологических) эквивалентов слова или «фразеологических единиц». При всей своей важности, однако, исследование вопроса о типах значений слов не снимает более широких и сложных проблем метода исследования словарного состава языка в целом, изучения семантического строения словарного состава языка как системы.

Из методов, предложенных для решения этой широкой задачи, наибольшей известностью пользуется метод «семантического поля», связанный с именем И. Трира. В своих работах 30-х годов¹ Трир для изучения семантической структуры словарного состава языка ввел понятия сосуществующих «концептуального и лексического полей». «Концептуальное поле» делится на части и покрывается «мозаикой из слов» (Wortdecke) «лексического поля». Слово в системе языка имеет значение не само по себе, а лишь по противопоставлению прилежающим к нему словам в данном «лексическом поле». «Семантическое поле» — это компактный, внутренне спаянный отрезок словаря, это уникальная монолитная структура. При помощи своей системы семантических полей каждый язык по-своему «строит действительность», реализует в них специфическую для него «картину мира». Эта «картина мира» неодинакова как для разных языков, так и для одного и того же языка в разные периоды его развития.

Для того чтобы определить специфическое для данного языка распределение, связь и взаимообусловленность значений, исследователь должен разбить всю лексику языка на части («поля»), которые должны в идеале соответствовать системе лексико-семантических соотношений, действительно существующей в языке. Однако анализ текстов, который проводится в работах Трира и его учеников, не всегда дает достаточные основания для выделения «полей», независимо от того, берется ли «поле» более абстрактного содержания — такое, как «поле знания», или же более конкретного, как, например, «поле лесного хозяйства».

Отсутствие строгих критериев объединения в одном «поле» тех или других слов является, по видимому, причиной того, что методика «семантического поля» более чем за двадцать лет своего существования не дала таких существенных результатов, которые представляли бы интерес для общего языкознания².

Хотя во всех этих исследованиях критика объективно идеалистических неогумбольдтианских построений ведется с позиций позитивизма и бихейвизма, они в большинстве носят конкретный характер и подкреплены фактическим материалом. Эти фактические данные могут принести пользу при разборе вопроса в свете диалектического материализма.

¹ См. J. T r i e r, Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes, Heidelberg, 1931; его же, Sprachliche Felder, «Zeitschrift für die Bedeutungslehre», 8, 1932, стр. 417—427; его же, Das Sprachliche Feld, «Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung», его же, «Deutsche Bedeutungsforschung», «Germanische Philologie», Heidelberg, 1934 и др.

² Как правильно замечает Бетц (W. B e t z, Zur Überprüfung des Feldbegriffes, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung», Bd. 71, Heft 3—4, Göttingen, 1954), исследование «словарных полей» (Wortfeldforschung) находится сейчас в том состоянии, в каком находилось исследование диалектов до составления атласов: описано несколько отдельных «произвольно выбранных» полей, но основная масса слов остается неизученной, почему нельзя объединить более мелкие поля в более широкие и проверить в целом соответствие «словарного» поля «концептуальному» путем «наложения» их друг на друга.

Помимо сомнительных теоретико-философских предпосылок, обосновывающих теорию и практику значительной части работ по изучению «семантических полей» (главным образом, в немецком языке), неясны связанные с этой теорией принципы исследования исторических закономерностей развития лексического строя конкретного языка. Если то или иное «семантическое поле» образует семантическую систему внутри словарного состава языка, то словарный состав в целом должен представлять собой своеобразную «систему систем», находящихся одна с другой в сложных соотношениях и взаимодействиях¹. Как найти и осмыслить исторические закономерности изменений этой общей системы и как могут они зависеть в разные периоды развития языка от изменений структуры отдельных семантических полей, — на эти вопросы ни работы И. Трира (даже самые последние) и его предшественников (например, Г. Инсена), ни работы его последователей и продолжателей не отвечают. Историческая лексикология с этой точки зрения сводится к сравнению ряда синхронно представляемых семантических полей, характерных для разных периодов развития языка.

В области сравнительно-исторического языкознания понятие «семантического поля» использовалось немногими учеными и не оказалось достаточно продуктивным (см., однако, последние этимологические работы Трира², а также ряд исследований В. Порцига). Дальнейшее развитие идей Трира пошло главным образом по линии разработки синхронических методов исследования семасиологических «систем».

Нельзя не заметить в этой связи, что советские языковеды еще не дали всесторонней, охватывающей все этапы развития учения о «семантическом поле» критики идеалистических философских основ общелингвистических взглядов Трира; отсутствует и конкретный разбор работ его последователей. В имеющихся у нас теперь довольно многочисленных работах, посвященных исследованию отдельных групп слов, не дается, как правило, достаточно четкого разъяснения отличия применяемой методики описания семантических рядов слов от методики «семантического поля».

Понятие «поля» у В. Порцига³ принципиально отличается от того же понятия в ранних работах Трира тем, что, в отличие от последнего, Порциг обратил внимание на семантическое соотношение между глаголами и именами прилагательными и существительными. Такие факты, как то, что, например, *идти* предполагает *ноги*, *хватать* — *руки*, а *белокурый* — *волосы*, составляют основу для построения «элементарных семантических полей»⁴. Ядром «элементарного семантического поля» могут быть только глагол или прилагательное, потому что эти слова теснее связаны с «предикативной функцией» и семантически определеннее, чем имена. Следовательно, если Трир видит основную цель в выделении «разделяющих» (*aufteilend*) полей, то Порциг ставит перед собой задачу — определить, каким образом отдельные элементы «включаются в поле» (*einbegreifende*

¹ Ср. замечание Трира о том, что в речи реализуется не система целого языка, а система отдельных словесных и синтаксических полей (J. Trieg, *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes*, прим. 1 на стр. 4).

² J. T r i e r, *Holz*, Etimologien aus dem Niederwald, Münster, 1952 и др. Следует отметить, что в последнее время появляются новые работы, где предложенные Триром технические приемы анализа текстов определенного периода применяются для решения некоторых спорных проблем исторической лексикологии и этимологии. См., например: H. S c h w a r z, *Ahd. liod und sein sprachliches Feld*, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. 75, Heft 3, 1953.

³ См. W. P o r z i g, *Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen*, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. 58, 1934.

⁴ После известной дискуссии Трир примкнул к этой точке зрения (ср. ссылки на теорию Порцига в более поздних работах Трира, например J. T r i e r, *First*, Göttingen, 1940, стр. 101).

Felder). Поскольку он исходит из слов, и прежде всего из глаголов, — в центре внимания оказываются такие факты, как, например, то, что немецкое *reiten* «ехать верхом» предполагает существование в немецком языке таких слов, как *Pferd* «лошадь» и т. п., а *fahren* «ехать на корабле, в поезде» и т. п., таких слов, как *Schiff* «корабль», *Zug* «поезд» и т. п. Кроме того, например, *reiten* предполагает («включает») и словопроизводственные ряды, такие, как *Reiter*, *Reiterin*, *Bereiter*, *abreiten* и т. п. Тем самым Порциг направляет исследование на языковые факты как исходный пункт обобщений и преодолевает абстрактно-концептуальный подход, характерный для ранних работ Трира. Метод Порцига, однако, не получил у нас распространения, хотя и заслуживал бы большего внимания, чем метод «разделяющих полей» Трира.

Впрочем следует напомнить, что семасиологические труды А. А. Потёбни, посвященные исследованию смысловых и словообразовательных групп или систем слов и закономерностей их развития, а также возникшие на базе сравнительно-исторического языкознания семасиологические разыскания акад. М. М. Покровского еще задолго до Трира и Порцига выдвинули принципы закономерности семасиологических изменений и подчеркнули необходимость изучения лексических групп или систем в их связях и соотношениях.

2

С лексикологией тесно связана наука о значении слова, или семасиология. Семасиология может быть определена как «наука о значении слова» только при известном ограничении. Вообще же семасиология может пониматься гораздо шире: не только как наука о языковом значении в о б щ е (т. е. как наука, изучающая не одни лексические, но и грамматические значения), но и как наука, изучающая «семантические» свойства всяких знаковых систем (правда, для этой последней области знания после опубликования «Курса общей лингвистики» де Соссюра можно считать принятым название «семиология» как наука «о знаках и знаковых системах»¹).

Основная задача семасиологии (как науки о лексическом значении слова) — выяснение отношения между «понятием» и «значением слова». Является ли значение слова не более как п о н я т и е м, воплощенным, выраженным в данном звучании, или же оно имеет свои особые качества и признаки? Положительный ответ на первый из поставленных вопросов представляется правильным некоторым логикам и философам².

Попытка подойти к решению вопроса о значении слов, отрываясь от понятий, является вполне правомерной. Но для того чтобы понятия могли существовать и развиваться, они должны иметь опору в языке, должны быть неразрывно связаны с их конкретными внешними проявлениями в виде единиц я з ы к а. Кроме того, понятия существуют не изолированно, а входят в систему понятий (а те языковые единицы, с которыми они неразрывно связаны, входят в систему языковых единиц). Таким образом,

¹ Различные содержания, вкладываемые в понятие «науки о значении», и соответствующие терминологические различия изложены у А. Рида (A. W. Reid, An account of the word semantics, «Word», vol. 4, № 2, 1948, там же обширная библиография); в популярной форме — у С. Ульмана (S. Ullmann, Words and their use, New York, 1951, стр. 8).

² См., например, П. С. П о н о в, Понятие слова в свете марксистского учения о непосредственной связи языка и мышления, «Вестник МГУ», 1954, № 4; ср. С. А. Ф е с с а л о н ц к и й, Обзор литературы по вопросам связи языка и мышления, ВЯ, 1953, № 3 и др. Из новых работ, заостряющих внимание на проблеме «понятия» и «значения слова», следует обратить внимание на статью Л. С. К о в т у н, «О значении слова», ВЯ, 1955, № 5.

понятия приобретают трехстороннюю обусловленность: 1) они основываются на познании действительности, представляя общее, извлеченное из бесконечного многообразия объективной действительности; 2) поскольку они не существуют и не могут существовать без опоры на конкретные частные явления определенной языковой формы, они связаны с системой звуковых и прочих различий, имеющейся в данном языке, и 3) они модифицируются не только данной системой языковых различий, но также и тем, что входят в систему понятий. Дальнейшее познание действительности, направленное на более адекватное ее отражение, меняет как отдельные понятия, так и их общую систему.

Поэтому простое отождествление значения слова с выражаемым им понятием не может быть принято как полное и достаточное объяснение природы словесного значения. Следовательно, не менее обоснованными являются и попытки подойти к вопросу с собственно лингвистической стороны, поставив в центр внимания особенности и своеобразие тех языковых средств и различий, с которыми в разных языках связываются те или другие понятия. Этому основному вопросу семасиологии в советском языкознании уделяется большое внимание, причем на разнообразном материале показывается, что между словами и понятиями нет однозначного соответствия, что «внешние» и «внутренние» языковые различия дают в каждом языке сложные и своеобразные переплетения, обуславливая различия их смысловых структур¹. Каждый язык представляет собой как своеобразную и самобытную систему внешних различий, так и индивидуальную и неповторимую систему значений. Поэтому отдельные значения, находящиеся в системе каждого данного языка, оказываются непосредственно несоизмеримыми со значениями, входящими в систему другого языка или языков. Например, то смысловое содержание, которое несет в себе русский глагол *ходить*, не может быть передано каким-либо одним английским глаголом: приблизительно та же «семантическая область» покрывается в этом языке тремя глаголами — *walk, go, come*. Во французском языке имеется два слова — *rivière* «река» и *fleuve* «река, впадающая в море» вместо одного английского *river* или русского *река* со значением «всякая река» (в том числе и «впадающая в море»). Но если по-английски и по-русски антонимами *deep* и *глубокий* будут, соответственно, *shallow* и *мелкий*, то французский язык не может противопоставить никакого «готового» слова слову *profond* «глубокий». По-русски так же, как по-английски, по-французски и по-немецки, процесс игры, например в шахматы и в жмурки, обозначается одним и тем же словом: *играть, play, jouer, spielen*. По-шведски же «играть в шахматы» будет *spela*, а «играть в прятки» и т. п. (т. е. «резвиться») — *leka*.

Число примеров подобного рода можно было бы увеличить до бесконечности. Их собрано огромное количество в языковедческой литературе. Поэтому можно считать не требующим доказательства то, что одной из основных задач лексикологии является изучение семантического строения и словарного состава отдельных языков: лингвистические значения следует изучать, исходя из данных конкретных особенностей их языкового выражения. При этом необходимо подчеркнуть, что значение слова связано с реальным его звучанием, которое является первичным и основным. Представление же этого звучания, т. е. его психическое отображение следует рассматривать как вторичное и производное.

¹ См.: В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова (особенно стр. 4—7); В. А. Звегинцев, О принципах семасиологических исследований. Автореф. докт. дисс., МГУ, 1954 (особенно раздел 3, стр. 6—7); Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. II, М., 1953 (особенно стр. 20—21) и др. работы.

Выполнение основной задачи лексикологии — изучение семантического строения словарного состава отдельных языков — требует разрешения ряда вопросов как общетеоретического, так и конкретно-методического характера. Основных общетеоретических вопросов, повидимому, два (причем оба они тесно связаны между собой): 1) как различия семантических структур языков связаны с мышлением и 2) чем обусловлено различие семантических структур языков.

Следует признать, что изучение этих вопросов все еще находится в неудовлетворительном состоянии. До сих пор у нас вопрос о языке и мышлении лишь затрагивается в общефилософских рассуждениях, которые, в основном, сводятся к приведению цитат. Реальных попыток творческой работы этой проблемы в свете марксизма-ленинизма фактически не предпринимается. Не организовано планомерное сотрудничество с логиками и психологами для совместного изучения и решения этого вопроса, не готовятся специалисты по общему языкознанию, достаточно эрудированные в смежных с языкознанием дисциплинах. После того, как современное языкознание вполне отчетливо оформилось в качестве самостоятельной и независимой от смежных наук дисциплины, необходимо вновь обратиться к изучению психологической и логической сторон языкового общения на основе сотрудничества трех равноправных дисциплин¹.

3

Между состоянием лексикологических исследований и теорией и практикой лексикографии есть прямая, непосредственная связь. Разграничение основных типов лексических значений, выяснение форм или видов сочетания и объединения значений в смысловой структуре одного слова, различия в смысловом объеме и в структурно-семантических свойствах между словами, принадлежащими к разным частям речи, понимание границ и соотношений между сложным словом и словосочетанием, между активными способами фразовой реализации значений слова или правилами смысловой сочетаемости одного слова с другими словами и структурными качествами застывших фразеологических единиц или фразеологических оборотов, образовавшихся на базе того же слова, целесообразные приемы размещения и объяснения фразового материала, способы выделения и семантической характеристики фразеологических выражений, разнообразие внутренних связей между грамматическими формами слов и их лексическим наполнением, специфика лексико-фразеологической системы языков, критерии стилистической дифференциации и классификации слов и многие другие задачи и вопросы изучения словаря важны не только для лексикологии, но и для лексикографии. Недостаток обобщающих работ по теории лексикологии и лексикографии мешает усовершенствованию национальных толковых словарей.

Вот несколько иллюстраций из академического «Словаря современного русского литературного языка» (т. III, Г—Е, 1954).

Слово *дети* здесь приводится в формах множественного числа, *дитя* рассматривается как особое слово (ст. 748—750). Никаких указаний на отношение слова *дети* к словам *дитя* и *ребенок* — нет. Однако у читателя не может не возникнуть вопросов: в каком отношении находятся слова *дети* и *ребенок* в таких фразах: *У соседки было четверо детей — один дру-*

¹ Как известно, некоторым достижением в этой области явилась организация журналом «Acta psychologica» дискуссии по вопросу о языке и мышлении (материалом обсуждения был посвящен весь 10-й том: № 1—2, 1954). Однако, как отметил в итоговой статье Г. Ревеш, результаты дискуссии не оправдали ожидания вследствие слишком большого разнообразия точек зрения и подходов к вопросу.

гого меньше и У соседки был один ребенок — еще грудного возраста. Ср. у Гоголя в «Вие»: «А в люльке, висевшей среди хаты, лежало годовое дитя, не знаю, мужского или женского пола. Какая связь между словами *дитя* и *дети* в таких стихах Пушкинского «Евгения Онегина»:

Дитя сама, в кругу детей
Играть и прыгать не хотела.

Недоумение наше еще больше возрастает, когда в словаре под словами *дети* и *дитя* обнаруживаются одни и те же выражения: *дети своего века* — *дитя своего века*, *дети своей страны* — *дитя своей страны* и т. п.

Дитя осмнадцатого века,
Его страстей он жертвой был:
И презирал он человека,
И человечество любил.

(П. А. Вяземский, *Сфинкс, не загаданный до гроба*)

или: «Что же касается до великих людей, — они по преимуществу дети своей страны. Великий человек всегда национален как его народ, ибо он потому и велик, что представляет собою свой народ» (В. Г. Белинский, *Взгляд на русскую литературу, 1846 г.*).

Положение становится все более запутанным и странным, когда применение выражения *дитя природы* иллюстрируется в академическом словаре формами слова *дети*: «Д и т я природы — о человеке, близком к природе, непосредственном (иногда в *шутл.* и *ирон.* употреблении). „Кажется, если б этим *детям природы* (жителям островов Ликейских) предоставлено было просить чего-нибудь, то они, как Диоген, попросили бы не загораживать им солнца“» (Гончаров, *Фрегат Паллада*; ст. 750).

Характерно, что за словом *дитя* в академическом словаре следует просторечно-областное *дитё*. Естественно возникает вопрос о том, является ли в плоскости литературной лексики *дитё* особым словом или же представляет собою лишь стилистический вариант слова *дитя* (ср. определение: «то же, что дитя»). Показателен пример, иллюстрирующий употребление *дитё* из рассказа М. Горького «Супруги Орловы»: «Вот ежели бы *дитё* у нас родилось — было бы лучше нам, — вздыхая, заявляла она...».

Сложный круг относящихся сюда лексикографических вопросов, не разрешенных, а просто обойденных составителями академического словаря, вращается вокруг важнейших проблем структуры слова — проблемы слова как системы парадигматических форм и проблемы морфологических и стилистических вариантов слова. Эти проблемы, уже давно разрабатываемые в нашем отечественном языкознании (ср. мысли и наблюдения акад. Л. В. Щербы, проф. А. И. Смирницкого и др.), еще не получили общепризнанного решения и совершенно недостаточно изучались на материале разных языков и притом в историческом аспекте.

Так же непоследовательно, противоречиво и неопределенно объясняется *дети* — *дитя* в «Толковом словаре русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова (т. 1, М., 1935). Здесь в статье о слове *дети* (ст. 699) после перечня форм множественного числа заявляется, что форм единственного числа у этого слова нет. Далее указывается два значения этого слова: 1) малолетние (*спектакль для детей*) и 2) сыновья, дети (*к старику собрались все его дети*). И вот после определения первого значения: «малолетние» в скобках сказано: «употр. в знач. *мн. ч. от* ребенок и *от* дитя». Если не отнестись этого указания к слову «малолетние» (что было бы в высшей степени странно), то получится, что форма слова *дети* употребляется в значении множественного числа от слов *ребенок* и *дитя*. Предлог *от* как бы подчеркивает, что это — функционально сближенные системы

форм разных слов. Поэтому о слове *дитя* в словаре Д. Н. Ушакова помещена отдельная статья (ст. 718), но в ней уже сообщается нечто неожиданное, а именно, что для всех значений этого слова в значении множественного числа употребляются формы: *дети*, *детей* и т. п. При этом первые два значения у слова *дитя* совпадают с указанными ранее значениями слова *дети*: 1) маленький ребенок и 2) сын или дочь. Правда, остается неясным, почему словом *дитя* можно называть лишь маленького ребенка и как в таком случае обозначать или именовать ребенка покрупнее и вообще не очень маленького и даже совсем не маленького.

Между тем в слове *дитя* еще выделяется третье значение, которое не указано в слове *дети*, хотя и содержится в нем: «Человек, усвоивший влияния и отразивший в своем характере основные черты какой-н. среды. *Дитя века. Дитя свободы. Дитя улицы*». С некоторыми оговорками то же можно повторить и относительно «поэтического» употребления слова *дитя* в функции «ласкового обращения» («Не плачь, дитя, не плачь напрасно». Лермонтов).

Таким образом, и в словаре Д. Н. Ушакова нет ясности и точности в изображении взаимоотношений *дети* — *дитя*. Любопытно, что здесь при характеристике разных значений слов не применяются стилистические пометы («книжн. устар.», «поэт.») — относится лишь к форме *о дитя*).

Недоразумения и недоумения, связанные с естественным желанием понять границы и взаимоотношения слов *дитя* — *дети* (как форм одного и того же слова и как разных слов), усиливаются, если обратиться к слову *ребенок*. В словаре Д. Н. Ушакова в статье об этом слове (ст. 1305) отмечается, что «в знач. мн. употребляются *ребята*, *-ят* и *дети*, *-ей*». Так как формы множественного числа — *ребята*, *ребя* и т. п., несомненно, являются формами того же слова *ребенок*, то, следовательно, и формы множественного числа *дети* также как бы включились в систему форм слова *ребенок*. Это мнение находит себе подтверждение в указаниях «Толкового словаря» на дифференциацию форм множественного числа слова *ребенок* в зависимости от различия значений: «1. (мн. ребята и дети). Мальчик или девочка в раннем детском возрасте... 2. (мн. дети). Сын или дочь... 3. (мн. дети) *перен.* Тот, кто поступает по-детски, наивно, не рассуждая».

Показательно, что фамильярно-разговорное *ребята* в значениях «молодые люди, парни» и «товарищи по учебе, работе» и т. п. рассматривается как особое слово (ст. 1305—1306).

С. И. Ожегов в составленном им однотомном «Словаре русского языка» (М., 1952) в истолковании и разграничении слов *дети*, *дитя* и *ребенок* целиком следует за словарем Д. Н. Ушакова. Присоединяется лишь одно новое противоречие: в статье о слове *дитя* (стр. 142) отмечаются *дети* как форма множественного числа того же слова. Значения указаны те же, что в словаре Д. Н. Ушакова, только «маленький ребенок» как значение слова *дитя* признается устарелым. Между тем в статье о слове *дети* (стр. 138) формы единственного числа не включаются в описание системы его грамматических форм. Лишь после определения первого значения — «малолетние» в скобках (так же, как и в словаре Д. Н. Ушакова) заявляется: «употр. в знач. мн. к *ребенок* и *дитя*». Второе же значение: «сыновья, дочери» никак не связывается с формами единственного числа.

Но ср., например, у Н. С. Лескова в повести «Очарованный странник»: «А она (барыня) ко мне и бросилась и жмет дитя к груди, а сама шепчет: «это мое дитя, это дочь моя, это дочь моя!»¹.

¹ Традиция раздельного определения слов *дитя* и *дети* и, следовательно, приращения их р а з ы м и словами идет от словарей Академии Российской. Любопытно, что в «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Имп. Академии наук (т. I, СПб., 1895, стр. 1037 и 1234), значения слов *дитя* и *дети* оказываются соотно-

Неисследованность лексикологических проблем, относящихся к области взаимоотношений и взаимодействий лексических значений и грамматических категорий, например в русском языке, сказывается и в прямых ошибках русских толковых словарей. Так, в академическом «Словаре современного русского литературного языка» слово *должен*, обособленное от слова *должный*, характеризуется как «краткая форма от слова *должный*»; при этом добавляется, что данное слово «употребляется как член составного сказуемого в сочетании с вспомогательным глаголом... или без него» (ст. 941). Однако второе значение этого слова определяется в чисто глагольном плане через посредство инфинитива: «иметь на себе долг, денежное обязательство». Следовательно, определяется не *должен*, а *быть должным* (ср. указание тех же значений в слове *должный*).

Слово *ерошка*, -и в академическом «Словаре современного русского литературного языка» грамматически характеризуется как слово мужского рода (ст. 1270). Однако представляется непонятным, как слово на -а, относимое к грамматическому классу существительных мужского рода, может выражать такое собирательно-предметное значение: «Всклоченные, растрепанные волосы; волосы, торчащие кверху, ежом». Сюда же отнесена форма *ерошкой* в значении наречия: «Стричь, подстригать ерошкой». Совершенно не мотивирован переход от этого предметного значения к значению лица: «Человек, имеющий всклоченные волосы; космач». Остается неясным также отношение этого *ерошки* к собственному имени *Ероха* от *Ерофей*. С грамматической точки зрения кажется совсем непонятной связь с этим *Ерошкой* третьего значения, о котором читаем: «З. Ерошки, шек, ми. В просторечии и устар. Карточная игра, в которой проигравшему ерошат волосы, приговаривая: „ерошки“, „ерошки“. Игруем в карты мы, в ерошки, в фараон, По грошу в долг и без отдачи» (Державин, Евгению, Жизнь Званская)¹.

Разнообразие и сложность отношений между грамматическими формами слов и приемами семантической дифференциации лексических единиц ярко обнаруживаются в соотношении *глазók* (уменьш. от *глаз*), *гла́зки*, («Ну, что за шейка, что за гла́зки»). Крылов, Ворона и лисица) и *глазók*, *глазкí* (ср. у Л. Толстого в «Воскресении»: «В коридор [тюремный] с обеих сторон выходили двери, запертые замками. В дверях были дырочки, так называемые глазкí, в полвершка в диаметре»). В современных толковых словарях русского языка (Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, в академическом) все эти формы с их разнообразными значениями рассматриваются как соотносительные или параллельные формы одного и того же слова. Внутренний смысл дифференциации по ударению форм множественного числа не раскрывается. Между тем именно в формах множественного числа, наиболее типичных и употребительных в прямом, ласкательно-уменьшительном значении, намечается явная линия семантического раздела между двумя словами, так как в *глазók* — *глазкí* все менее и менее выступает экспрессивное отношение к слову *глаз* — *глазá* (в отличие от *глазók* — *гла́зки*). Ср., например: «Он ударил в кольцо ворот [монастыря]. В глазок его осмотрели» (С. Бородин, Дмитрий Донской).

сительными и параллельными. К слову *дети* отнесены даже *дети боярские* как исторический термин. Вместе с тем под словом *дети* приводятся как формы множественного числа — *дети*, *детей* и т. п., при слове *дети* форм единственного числа не указывается.

¹ Источником всех этих ошибок современного академического словаря является «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук» (т. II, СПб., 1907, стр. 135—136). Здесь также слово *ерошка* по преобладающему большинству значений относится к мужскому роду. Из фразы *стричь ерошку* ошибочно выделяется значение — «длинные волосы». Но *ерошки* как название простонародной карточной игры считается за отдельное слово.

Таким образом, соотношения между лексическими образованиями от слова с непроемной основой определяются их местом в соответствующем словопроизводном гнезде, характером их отношения к основному, стержневому слову этого гнезда, отдалением или отпадением от него.

Недостаточно углубленно и всесторонне исследован также вопрос об отношении слов к словосочетаниям (вернее: к сочетаниям слов) и фразеологическим единицам. Неясность границ между семантически связанным сочетанием слов и фразеологическим единством в собственном смысле особенно наглядно обнаруживается при разнесении фразеологических выражений по разным значениям их основного, стержневого слова. Например, в академическом «Словаре современного русского литературного языка» в слове *голый* (ст. 245) при значении «бедный растительностью или лишенный растительности (волос, шерсти, перьев, листьев и т. п.)» отмечаются выражения: *голая зима* (в смысле — бесснежная), *голый пол* (у Л. Толстого в романе «Война и мир»: «Наташа не шевелилась, несмотря на то, что ее маленькая босая нога, вывернувшись из-под одеяла, зябла на голом полу»), *голый стол*, *голые стены* (у Лермонтова в «Узнике»: «Одинок я — нет отрады; Стены голые кругом, Тускло светит луч лампы Умирающим огнем»).

Непонятно, какая растительность отсутствует или предполагается на полу, на столе, на стенах и т. п. и почему все эти выражения не относятся к первому значению слова *голый*: «не покрытый одеждой, обнаженный, нагой».

В статье о слове *дурной* (ст. 1168) выражения: *дурная слава*, *репутация*, *дурное мнение* и т. п., *выставлять кого или что в дурном свете* (изображать с плохой стороны, давать кому-чему-либо плохую оценку) отнесены к третьему значению этого слова: «безрадостный, гнетущий; неблагоприятный». Но с меньшими основаниями они могли бы быть помещены и под другим значением слова *дурной*, определяемым так: «вызывающий неодобрение, предосудительный» (ср. также истолкование первого значения: «нехороший, скверный»).

Невнимание к значениям фразеологических выражений ярко дает себя знать и в неразличении исторически и социально различных осмыслений фразы *дурное общество*. В том же «Словаре современного русского литературного языка» читаем: «Д у р н о е общество — о среде опустившихся, безнравственных людей». В качестве иллюстрации этого значения приводятся два таких разнотипных примера: «Дурным обществом [Пеночкин] решительно брезгает — скомпрометироваться боится» (Тургенев, Бурмистр); [Сосипатра:] «Он [Окоемов] не кончил нигде курса и рано попал в дурное общество» (А. Островский, Красавец мужчина) (ст. 1169).

Количество иллюстраций можно значительно увеличить. И без того ясно, что развитие лексикографической теории и практики тесно связано с развитием общелексикологических и историко-лексикологических исследований, основанных на словарном материале разных языков. Но у общей теории лексикографии есть свои специфические задачи, например: разграничение типов словарей, выяснение их структурных различий, изучение принципов отбора и размещения слов, фразеологических единиц и омонимов в разных типах словарей, раскрытие принципов определения и толкования значений слов, а также перевода или нахождения эквивалентов в двуязычных дифференциальных словарях, способы дифференциации синонимов, вопросы стилистической квалификации слов и т. п.

Хотя Советский Союз и превосходит во много раз другие страны по количеству, а иногда и по качеству издаваемых словарей (см., например, толковые словари русского, литовского, грузинского, армянского и других языков, десятки разного типа двуязычных русско-инонациональ-

ных и инновационально-русских, особенно словарей малоизученных языков), теоретическая лексикография и теоретическая обработка обширных словарных материалов сильно отстают. В отличие от ряда зарубежных стран у нас до сих пор нет ни одной значительной монографии по общей теории лексикографии. Показательно, что у нас почти совсем захирела практика составления этимологических словарей и не ведется широких подготовительных работ к созданию исторических словарей отдельных языков.

4

За последние годы у нас и за рубежом опубликован ряд работ, посвященных изучению вопроса об основном словарном фонде (т. е. о древнейшей и наиболее устойчивой части словарного состава, об его структурном ядре) разных языков и о закономерностях его развития в истории этих языков (например, восточнославянских, особенно русского, романских, дагестанских, некоторых тюркских — киргизского, казахского и др.)¹. Однако вследствие недостатка конкретно-исторических исследований о лексическом строе отдельных языков обсуждение этого вопроса нередко сопровождалось априорными, иногда схоластическими, не вытекающими из исторического анализа словарного состава того или иного языка рассуждениями о структуре, границах и признаках основного словарного фонда. Так как самое понятие основного словарного фонда в своей конкретно-исторической сущности еще не раскрыто на основе углубленных исследований закономерностей развития словарного состава отдельных языков, то некоторые наши языковеды-лексикологи воздерживаются от применения термина «основной словарный фонд». Поэтому необходимы дальнейшие конкретно-исторические и теоретические исследования по данному вопросу. Следует в этой связи отметить, что в исследованиях по сравнительно-историческому языкознанию давно уже обращалось внимание на ту часть словаря, которая сохраняется на протяжении длительного времени и поэтому оказывается общей для родственных языков.

Плодотворному изучению словарного состава отдельных языков мешало также преклонение перед догмами и формулами, отсутствие творческого подхода, поисков новых и самостоятельных решений.

Необходимо указать на то, что исторических лексикологий отдельных языков у нас нет, и материалы для их построения еще далеко не собраны². Методика же историко-лексикологических исследований, к сожалению, еще очень мало привлекает к себе внимание советских языковедов. Из многочисленных причин, препятствующих углубленному изучению истории лексического строя отдельных языков (например, восточнославянских), следует назвать четыре основных: 1) общая неустойчивость и неразработанность принципов построения сравнительно-исторической лексикологии, 2) отсутствие или недостаточность углубленных исследований по истории лексических систем отдельных языков, 3) малочисленность диалектологических словарей и, наконец, 4) ослабление темпов изданий

¹ Ср. работы об основном словарном фонде в лексике румынского языка проф. А. Граура (A. Graur, *Studii de lingvistica generala*, [București], 1955) и болгарского языка — проф. Ив. Лекова (И. Леков, *Единство и национално своеобразие на славянските езици в техния основен речников фонд*, София, и Издание на Българската Академия на науките, 1955).

² Следует, однако, отметить, что в настоящее время тюркологическим сектором Института языкознания АН СССР предпринято историческое изучение лексики тюркских языков, связанной главным образом с терминами родства, с глаголами движения и речи.

важных памятников письменности. Отсутствие, например, в Белоруссии изданий многих памятников западнорусской письменности (рукописи которых находятся в книгохранилищах иных республик), а также разнообразных белорусских текстов XVII—XIX вв. сильно тормозит работу в области белорусской исторической лексикологии. Мало изучаются эти памятники и в работах по истории лексики русского языка. А между тем сравнительно-историческое изучение словарного состава памятников трех восточнославянских народностей и затем — наций могло бы оказать существеннейшую помощь в решении ряда основных вопросов исторической лексикологии восточнославянских языков, в том числе и некоторых вопросов периодизации старославянских, а затем церковнославянских лексических наслоений в русском языке. На этом фоне становится понятным, почему вопросы построения исторических словарей отдельных языков у нас еще не получили достаточно глубоких и самостоятельных решений.

Следует признать, что сравнительно-историческое изучение лексики индоевропейских языков и языков других семей в советском языкознании не развернулось еще с необходимой широтой¹. Советские ученые должны преодолеть также значительное отставание в деле создания этимологических словарей. В то время как в ряде зарубежных стран ведется интенсивная работа по составлению и изданию этимологических словарей русского, польского, чешского и других славянских языков, литовского языка, индоевропейской семьи языков в целом (труды М. Фасмера, Ф. Славского, Э. Френкеля, Ю. Покорного и других лингвистов), советские языковеды еще не приступили вплотную к практическому выполнению этой насущной задачи.

Изучение на основе теоретических положений советского языкознания конкретного материала языков различных семей должно способствовать разработке принципов сравнительно-исторической лексикологии. Особенно остро ощущается необходимость в определении точных методов сравнительно-исторической семасиологии. Следует устранить известную произвольность, часто наблюдающуюся как при допущении родства слов с различными значениями², так и при реконструкции древнейших значений слов и корней. Этимологические сопоставления могут считаться убедительными только в тех случаях, когда не только устанавливается древнее значение слова, но и определяется характер семантических изменений, обусловивших расхождение между родственными лексическими

¹ Число трудов по сравнительно-исторической лексикологии, опубликованных советскими лингвистами за последние годы, очень невелико. Из работ, посвященных индоевропейским языкам, помимо немногочисленных заметок об истории и этимологии отдельных слов, можно назвать только монографию проф. А. А. Белецкого «Принципы этимологических исследований. (На материале греческого языка)» (Киев, 1950) и статью проф. Р. А. Будагова «Основной словарный фонд романских языков и задачи его изучения» (ВЯ, 1953, № 2). Высокую научную ценность имеют этимологические комментарии акад. В. Ф. Шихарева в недавно изданном «Словаре старофранцузского языка» (М.—Л., 1955). В курсе покойного проф. А. И. Смирницкого о «Древнеанглийском языке» (М., 1955) напечатана часть его работы о древнегерманской лексике, в которой дан опыт структурного описания словаря родственных языков. Идет опубликования подготовленный к печати В. И. Абаевым историко-этимологический словарь осетинского языка, обобщающий результаты многолетних исследований автора. Для сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков большое значение имеет словарь, приложенный членом-корреспондентом АН СССР С. Е. Маловым к его изданию «Памятников древнетюркской письменности» (М.—Л., 1951). Для финно-угроведения значительный интерес представляют исследования В. И. Лыткина по истории словарного состава пермских языков. Продолжались за последние годы и этимологические разыскания советских кавказоведов в области лексики кавказских языков.

² См. об этом А. И. Смирницкий, Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства, М., 1955 (особенно стр. 34—35).

единицами разных языков. Между тем эта сторона большинства этимологических исследований все еще остается наименее аргументированной.

Недостаточное внимание к семантике сравниваемых единиц особенно сказывается в работах тех ученых, которые без убедительных оснований выделяют в реконструированных корнях многочисленные префиксы, инфиксы и суффиксы¹. Как многократно отмечалось в научной литературе, характерное для таких исследований сведение сравниваемых единиц к одной или двум фонемам в большинстве случаев лишает предлагаемую этимологию доказательной силы². Поэтому серьезного внимания заслуживают работы С. Э. Манна и его школы (в частности, исследования Фаукса по кельтским языкам), которые основываются на принципе полного соответствия целых слов.

Исследования по сравнительно-исторической лексикологии, в которых изучается история слов в дописьменный период, должны опираться на данные исторической лексикологии каждого из родственных языков.

Подъем научной работы в области сравнительно-исторической лексикологии невозможен без активизации изучения истории лексики отдельных языков на основе тщательного филологического анализа древних письменных памятников и без широкого исследования современных диалектов. О плодотворности объединения результатов, полученных исторической и сравнительно-исторической лексикологией, свидетельствуют как удачные опыты сочетания в одном лексикографическом труде исторического и этимологического словаря (например, словарь латинского языка А. Эрну и А. Мейе), так и ряд новейших лексикологических исследований зарубежных ученых. Осуществляющийся в настоящее время в сравнительно-историческом языковедении пересмотр младограмматических концепций в значительной мере связан со стремлением как можно полнее использовать изучение систем отдельных языков для реконструкции древнейшей языковой системы дописьменного периода (ср. широкое использование этого метода при анализе фонетических и морфологических явлений в трудах проф. Е. Р. Куриловича). С этим следует сопоставить то, что в появившихся за последнее время лексикологических монографиях Э. Лароша, П. Тиме³ и некоторых других языковедов сравнительно-историческое исследование лексики опирается на детальное изучение древнейших текстов греческого, индо-иранских и иных индоевропейских языков в связи с историей культуры их носителей⁴.

Конкретный анализ данных, извлекаемых из древних письменных памятников, позволяет связать сравнительно-историческое исследование лексических явлений с изучением фактов истории духовной и материальной культуры и общественной жизни носителей языка. Поэтому такой анализ

¹ В этом отношении показательны работы Ван Лангенхове (Van Langenhove, *Essais de linguistique indo-européenne*, «Linguistische Studien», II, Antwerpen, 1939) и Б. Шварца (B. Schwartz, *The Root and its modification in primitive Indo-European*, «Language Dissertations», № 10, 1947).

² Ср.: А. И. Смирницкий, *Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства*, стр. 54—55; его же, *К вопросу о сравнительно-историческом методе в языковедении*, ВЯ, 1952, № 4, стр. 17—18; А. Мейе, *Сравнительный метод в историческом языковедении*, М., 1954, стр. 36—37 и стр. 39.

³ E. Lagache, *Histoire de la racine rem-en grec ancien*, Paris, 1949; P. Thime, *Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte*, Berlin, 1952.

⁴ Показательно, что М. Майрхофер, известный своими оригинальными этимологическими работами, считает глубокий анализ текстов, тщательное изучение реалий и сочетание сравнительно-исторического метода с исследованием данных отдельных языков необходимыми условиями для дальнейших успешных работ в этой области (см. M. Mauryhofer, *Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende*, «Studien zur indogermanischen Grundsprache», Wien, 1952, стр. 55).

имеет особое значение для советских языковедов. Исследование, основанное на тщательной филологической интерпретации памятников родственных языков, помогает дать реальную картину истории слова в дописьменный период и преодолеть абстрактность и схематизм, характерные для многих этимологических построений прошлого. Анализ употребления слова в контексте во многих случаях создает прочную основу для семантических реконструкций, как показал на ряде примеров Э. Бенвенист¹, давший в конкретных исследованиях последнего времени (например, в монографии об индоевропейских именах деятеля и именах действия, в статье о названиях животных в индоевропейских языках и в других работах) интересные образцы сочетания филологической интерпретации текстов и применения методов современной компаративистики. Исследование употребления слова в каждом из сравниваемых языков на древнейшем этапе их письменной истории часто позволяет определить первоначальное конкретное значение слова и некоторые особенности его употребления в дописьменный период². При изучении родственных языков, входивших в одну древнюю диалектную группу (например, греческого и древнеиндийского), иногда оказывается возможным не только отметить параллелизм в употреблении тождественных по происхождению лексических единиц, но и установить сходство фразеологических сочетаний родственных слов (ср. греч. *κλέος ἄφθιτον* и др.-инд. *śravaḥ... akṣitam*, греч. *ἰερὸν μένος* и ведийск. *iṣīreṇa... mānāśā* и т. п.).

Для успешного исследования подобных фактов необходимы лексикографические труды, дающие возможно более полную картину лексики и фразеологии отдельных сравниваемых языков. Одним из классических образцов таких трудов является изданный нашей Академией наук санскритский словарь, первый том которого вышел 100 лет назад (в 1855 г.)³. Советские лингвисты должны продолжить традицию создания фундаментальных словарей отдельных древних языков. Большая ответственность лежит на составителях и редакторах издающегося в настоящее время многотомного словаря литовского языка. Этот словарь может стать чрезвычайно полезным пособием для всех специалистов не только по балтийским и славянским, но и по другим индоевропейским языкам. Но для этого необходимо привлечение всего лексического материала древнелитовских текстов без каких-либо ограничений. Особое значение имеет работа над словарями, в которых систематизируются данные расшифрованных в XX в. древних письменных памятников. В минувшем году учеными стран народной демократии было опубликовано два очень ценных труда в этой области: словарь крито-миконских надписей болгарского академика В. И. Георгиева и фундаментальный словарь «тохарского А» языка, который составил чехословацкий ученый П. Поуха.

В сравнительно-исторических исследованиях по лексикологии надо преодолеть существенный недостаток многих работ младограмматической школы, заключающийся в изолированном рассмотрении истории отдельных слов вне их соотношений с другими словами. Изучение целых лексико-се-

¹ См. E. Benveniste, *Problèmes sémantiques de la reconstruction*, «Word», vol. X, № 2—3 («Linguistics Today»), 1954.

² В качестве примера такого исследования можно указать на работу В. Порцига о названиях «пчелы» в индоевропейских языках (W. Porzig, *Boden, «Wörter und Sachen»*, Bd. XV, Heidelberg, 1933).

³ Следует указать, что столетие со дня выхода в свет первого тома этого словаря отмечалось в 1955 г. востоковедами различных стран мира. См., например, M. B. Meene u, *India and Linguistics*, «Journal of the American Oriental Society», vol. 75, № 3, September, 1955, стр. 153.

мантических групп слов в родственных языках необходимо для всестороннего освещения развития каждого слова данной группы¹.

Изучение лексики близко родственных языков с точки зрения связей между словами в системе языка особенно существенно потому, что здесь можно проследить возникновение различных лексических систем в результате развития одинакового исходного материала. Однако, хотя по отношению к славянским языкам эта проблема давно уже сформулирована (правда, в очень общем виде)², для ее практической разработки сделано еще очень мало.

Еще в трудах акад. М. М. Покровского изучение лексико-семантических групп слов связывалось с проблемами словообразования. Исследование лексической системы языка в ее взаимодействии с грамматикой открывает широкие перспективы для сравнительно-исторической лексикологии. По этому пути шел В. Порциг, изучая греческие и индоевропейские отвлеченные имена в связи с анализом словообразования и некоторых грамматических (преимущественно синтаксических) явлений³, и Ф. Шнехт, сочетавший изучение индоевропейского словообразования с исследованием лексико-семантических групп слов⁴.

Плодотворность такого подхода к сравнительно-исторической лексикологии обнаруживается при постановке вопросов, связанных с внутренней реконструкцией. Внутренняя реконструкция исчезнувшего слова в некоторых случаях оказывается возможной благодаря изучению словообразовательного ряда, где это слово было центром или соединительным звеном⁵. Вместе с тем выделение различных хронологических слоев словообразовательных морфем и морфологизованных чередований позволяет установить относительную хронологию появления слова (по сравнению с другими словами). Датировка слова на основании соотношения пережиточных и продуктивных явлений в системе одного языка имеет особое значение потому, что некоторые очень древние по происхождению слова могли исчезнуть в большинстве родственных языков и сохраниться только в данном языке. Определение архаичности таких слов возможно только благодаря анализу системы одного языка, так как сравнение с языками, утратившими это слово, в данном случае не дает никаких результатов. Следовательно, отнесение подобных слов к лексике, унаследованной от дописьменной эпохи, осуществляется посредством метода внутренней реконструкции. Необходимо подчеркнуть, что использование этого метода может быть особенно ценным, когда исследуется история лексики бесписьменного или младописьменного языка, генетические связи которого не

¹ В советском языкознании уже имеются работы, учитывающие этот принцип (например, труд члена-корр. АН СССР Л. А. Булаховского «Общеславянские названия птиц» (ИАН ОЛЯ, 1948, вып. 2). Особый интерес представляет исследование групп терминов, образующих лексические системы, развитие которых непосредственно обусловлено историей общества. См., например, работу А. В. Исаченко «Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания» («Slavia», ročník XXII, seš. 1, Praha, 1953).

² См. Thèses. 8—«Problèmes de méthode de la lexicographie slave», «Travaux du Cercle Linguistique de Prague, Mélanges Linguistiques dédiés au Premier Congrès des philologues slaves», Prague, 1929, стр. 26—27.

³ См. W. Porzig, Die Namen für Satzinhalte im Griechischen und im Indogermanischen, Berlin — Leipzig, 1942.

⁴ См. F. Schecht, Der Ursprung der Indogermanischen Deklination, Neudruck, Göttingen, 1947, стр. 1—113.

⁵ См. W. Porzig, Die Namen für Satzinhalte im Griechischen und im Indogermanischen, стр. 4. Таким именно способом Шнехт (F. Schecht, указ. соч., стр. 22) восстанавливает фракийское *nebelā «небо» на основании сравнения с *σμεῖλή* «земля» (ср. греч. *νεφέλη*, родственное русск. *небо*, лат. *nebulā* и т. п.); см. положительную оценку этой реконструкции в последней книге В. Порцига (W. Porzig, Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets, Heidelberg, 1954, стр. 190 и 199).

являются прочно установленными. История словаря такого языка может быть изучена только благодаря анализу соотношений архаичных и живых явлений внутри системы данного языка. Поэтому чрезвычайно желательно ознакомление специалистов по языкам народов СССР с достижениями современной индоевропеистики, широко использующей метод внутренней реконструкции.

Вопросы хронологии занимают очень большое место в современных исследованиях по сравнительно-исторической лексикологии. По словам Э. Лароша, «занятия этимологией в наши дни заменяются разысканиями в области хронологий»¹. Внимание лингвистов, в частности, привлекает проблема выделения на основании фонетических и морфологических критериев в лексике общиндоевропейского языка наслонений разных эпох. Эта проблема тесно связана как с лингвистической периодизацией истории общиндоевропейского языка, так и с вопросом о развитии общества, говорившего на этом языке². Конкретные лексикологические исследования в этой области могут содействовать более успешному сотрудничеству лингвистов с археологами и историками.

Исследования последних трех десятилетий показали, что общиндоевропейский язык обладал длительной историей. Поэтому совершенно недостаточны те ссылки на индоевропейские корни, которыми обычно ограничиваются этимологические словари. Необходимо наметить основные вехи в развитии того или иного слова или группы слов в общиндоевропейском языке. Только тогда абстрактные этимологические построения уступят место реальной (хотя и по необходимости гипотетической) истории слов в древнейший период, доступный современным исследователям. Для выполнения такой сложной задачи требуется привлечение всех новейших открытий в области сравнительно-исторического индоевропейского языкознания (ларингальной гипотезы, теории структуры морфологических частей индоевропейского слова и т. п.). С этой точки зрения нуждаются в пересмотре не только старые этимологические словари, но и издающийся в настоящее время этимологический словарь индоевропейских языков Ю. Покорного.

Определение хронологии слов тесно связано с изучением диалектной лексики, так как необходимо отделить древнейший словарь, общий для всех языков данной семьи, от лексических единиц, характерных лишь для отдельных диалектов. Следует отметить, что далеко не во всех работах современных зарубежных лингвистов достаточно строго проводится разграничение этих категорий слов. Так, в указанном выше исследовании П. Тиме общиндоевропейскими признаются слова, отраженные лишь в греческом и индо-иранских языках. Между тем такие слова с гораздо большим вероятием можно было бы считать характерными только для лексики греческо-индо-иранской диалектной группы³.

Наличие очевидной зависимости между степенью лексической близости родственных языков и большей или меньшей удаленностью эпохи их разделения явилось основой для разработки метода «лексико-статистической датировки», предложенного М. Сводешом. Работы Сводеша и его школы интересны как попытка установления времени распада первоначально единого языка, а также тем, что в них проводится последовательное разграничение «повседневных» (every-day, noncultural) и «специальных» (cultural или specialized) слов. За пять лет, прошедших со времени опубли-

¹ E. Lagosche, указ. соч., стр. 1.

² Этим проблемам посвящена интересная, но весьма спорная статья Х. Куна (H. Kuhn, Ablaut, α und Altertumskunde, «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», Bd. 71, Heft 3/4, 1954).

³ Ср. по этому поводу замечание М. Майрхофера (M. Mauryhofer, указ. соч., стр. 54 и прим. 35).

кования первой статьи Сводеша¹, им и его учениками проделана большая работа и собран разнообразный материал как по индейским языкам Северной и Центральной Америки и полинезийским, так и по некоторым другим языкам².

Особое значение имеют работы, в которых для сравнительно-исторического исследования лексики родственных языков используются методы географии слов. Изучению диалектной лексики уделяется исключительное внимание в новейших трудах по лингвистической географии романских языков³ и индоевропейской семьи языков⁴. Здесь перед исследователями возникает много сложных проблем, которые ждут своего решения. В работах по сравнительно-исторической лексикологии желательное сочетание методов лингвистической географии с современной методикой изучения относительной хронологии развития родственных языков. Теоретический интерес представляет и решение отдельных лексикологических вопросов, вызванных тем, что в близко родственных языках обнаруживаются слова, имеющие общие черты, но не сводимые к одному архетипу (ср., например, индо-иранские и индоевропейские названия «языка»⁵, индоевропейские названия «слезы» и т. д.). Исследование таких аномальных явлений связано с изучением особенностей фонетического и морфологического развития общиндоевропейского языка и его диалектов. При изучении лексики индоевропейских языков с точки зрения географии слов обнаруживается необходимость проведения исследований, посвященных проблеме различных наименований одного и того же предмета, имеющих в родственных языках⁶. Работы, посвященные этой проблеме, могут представить значительный интерес и для археологов, этнографов и историков культуры.

Для дальнейшего исследования географии слов было бы очень полезно издание соответствующих лингвистических атласов. До настоящего времени остается актуальной идея создания лексического атласа славянских языков на этимологических принципах, выдвинутая еще в период подготовки первого съезда славистов⁷.

Необходимо подчеркнуть, что многие зарубежные лингвисты в своих работах по сравнительно-исторической лексикологии не пользуются теми

¹ M. S w a d e s h, *Diffusional Comulation and Archaic Residue as Historical Explanations* (Univ. of New Mexico Press, 1951).

² Например: M. S w a d e s h, *Unaalig and Proto-Eskimo, V—Comparative Vocabulary* (IJAL, vol. 18, № 4, Oct. 1952); ег о ж е, *Archeological and Linguistic Chronology of Indo-European groups* («American Anthropologist», vol. 55, № 3, Aug. 1953); ег о ж е, *Mosan, 1—A Problem of Remote Common Origin* (IJAL, vol. 19, № 1, 1953); ег о ж е, *Chemakum Lexicon Compared with Quileute* (IJAL, vol. 21, № 1, Jan. 1955). См. особенно лексико-статистический выпуск «International Journal of American Linguistics» (vol. 21, № 2, апрель 1955), специально посвященный этому вопросу и содержащий интересные и разнообразные материалы, а также важную в теоретическом отношении статью Сводеша.

³ См. G. R o h l f s, *Die lexikalische Differenzierung der romanischen Sprachen. Versuch einer romanischen Wortgeographie*, München, 1954.

⁴ См. W. P o r z i g, *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets*.

⁵ См. E. B e n v e n i s t e, *Notes avestiques, «Asiatica»*, Leipzig, 1954, стр. 30. Ср. также V. P i s a n i, *Griech. γλωσσα, «Indogermanische Forschungen»*, Bd. LXI, Heft 2—3, August, 1954.

⁶ Ср. замечания В. Порцига о трудностях, с которыми он столкнулся при своих исследованиях из-за отсутствия в сравнительно-историческом индоевропейском языке знания «учения о наименованиях» (W. P o r z i g, *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets*, стр. 10). Ср. также C. S c h i c k, *La geographia linguistica, «Paideia»*, Anno IX, № 4—5, 1954, стр. 261.

⁷ См. Thèses. 7—«Problèmes slaves relatifs à un atlas linguistique, surtout lexical», «Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 1—Mélanges linguistiques dédiés au Premier Congrès des philologues slaves», Prague, 1929, стр. 25—26.

новыми методами, которые помогают преодолеть недостатки традиционных этимологических исследований. В ряде этимологических словарей до сих пор еще наблюдается стремление ограничиться возведением слова к первоначальному «корню» вне определенной исторической перспективы и без характеристики истории данного слова в дописьменный период¹. Некоторые новейшие исследования зарубежных ученых (отчасти названные выше) представляют значительный интерес как первые опыты критического пересмотра методики сравнительно-исторических лексикологических исследований². Но и эти работы при всей ценности содержащихся в них фактических материалов и отдельных тонких наблюдений в ряде случаев не дают всестороннего исторического анализа лексики родственных языков. Очень отчетливо это обнаруживается при изучении связи истории словаря с развитием общества, говорящего на данном языке. Именно в этой области советским лингвистам предстоит особенно напряженная работа. В индоевропейском языкознании здесь потребуется новое освещение с позиций марксистской науки как впервые открываемых данных, так и тех многочисленных фактов, которые уже собраны в трудах об «индоевропейских древностях» О. Шрадера, ученых, примыкавших к антифашистской венской школе (А. Неринга, В. Бранденштейна), и других лингвистов. По отношению же к большинству языков других семей предстоит еще и большая работа по собиранию лексических материалов, позволяющих изучить некоторые особенности общественной жизни носителей древних диалектов данной семьи языков.

Для выполнения обрисованных выше задач в области сравнительно-исторической лексикологии необходимо осуществить целый ряд практических мероприятий. Прежде всего встает вопрос о подготовке специалистов, способных вести самостоятельную работу по сравнительно-исторической лексикологии и участвовать в составлении этимологических словарей. До сих пор такие специалисты систематически не готовились. Для решительного изменения этого положения нужно ввести на филологических факультетах университетов специализацию студентов по сравнительно-историческому языкознанию с обязательными занятиями интерпретацией древних памятников родственных языков. Следует напомнить, что такое отделение (со специализацией по сравнительной грамматике индоевропейских языков) существовало в Московском университете в 10-х годах XX в.³ Отделение, дающее широкую подготовку в области кавказских языков, уже много лет имеется в Тбилисском университете. Быстрое развитие за рубежом алтайского сравнительного языкознания⁴ заставляет поставить вопрос о подготовке у нас специалистов широкого профиля и в этой области. Аналогичные мероприятия могут быть предложены и применительно к подготовке специалистов по финно-угро-самодийским, тибето-китайским и другим языкам.

¹ Ср. критические замечания об этимологических словарях индоевропейских языков в последних обзорных работах Дж. Лэйна (G. S. Lane, On the present state of Indo-European linguistics, «Languages», vol. 25, 1949, № 4), В. Пизани (в книге V. Pisanì, Allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft, Indogermanistik J. Pokorny, Keltologie, Bern, 1953), М. Майрхофера (M. Mauryhofer, указ. соч.). Ср. также высказывания по этому вопросу Э. Лароша (E. Laroche, указ. соч.)

² Следует отметить (помимо уже названных работ) следующие статьи, в которых дается критика традиционной этимологии: Y. Malkiel, The Place of etymology, in linguistic research, «Bull. of Hisp. Studies», vol. XXXI, № 2, 1954) и его же, Hypothetical Bases in Romance Etymology («Words», vol. VI, № 1, 1950).

³ Одним из его воспитанников был проф. Н. С. Трубецкой.

⁴ Первым опытом алтайского этимологического словаря является книга Г. Рамстедта (G. Ramstedt, Studies in Korean Etymology, I—II, Helsinki, 1949—1953).

Необходимо использовать весь опыт работы над этимологическими словарями, накопленный в прошлом нашими учеными. Желательно скорейшее издание таких неопубликованных работ, как славянский этимологический словарь проф. Г. А. Ильинского, обширные материалы к этимологическому словарю литовского языка К. Буги.

Для успешного возобновления этимологических исследований требуется усвоить все достижения современной зарубежной науки. Нужно наладить регулярную публикацию подготовительных материалов к этимологическим словарям, этимологических заметок, исследований по исторической и сравнительно-исторической лексикологии. Только после осуществления этих подготовительных работ могут быть созданы этимологические словари языков народов СССР, которые будут не компиляциями, а серьезными самостоятельными трудами, соответствующими современному уровню развития сравнительно-исторического языкознания.

Оживление исследований по лексикологии (и лексикографии), все еще остающейся наименее разработанной областью языкознания, является одной из насущных задач советских лингвистов.

Усилиями советских языковедов должно быть обеспечено коренное улучшение работы по собиранию и описанию лексического материала в толковых, исторических и этимологических словарях. Конкретные исследования, посвященные лексике того или иного языка в ее современном состоянии и историческом развитии, а также сравнительно-историческому выяснению общих и дифференциальных тенденций лексического развития групп и семей языков, должны послужить базой для разработки теоретических вопросов лексикологии в тесной связи с лексикографической практикой.

Материалы и решения XX съезда КПСС указывают на существенные недостатки в идеологической работе, оказывавшие влияние на развитие научной теории в разных областях знания. Культ личности способствовал распространению догматизма и начетничества, тормозил развитие научной мысли. Кроме того, советские языковеды, так же как и представители других научных специальностей, недостаточно широко пользовались достижениями зарубежной науки и иногда оказывались неподготовленными к борьбе против буржуазной идеологии в своей области знания. Теперь главной задачей является действенное преодоление указанных недостатков и всемерное творческое развитие марксистской языковедческой науки.